

Этнография чеченцев в интерпретации профессора В.А. Тишкова

В 2001 году в Москве вышла книга крупного отечественного ученого-этнолога и антрополога В.А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны». Тираж книги составил 3000 экземпляров, а объем - 552 страницы. Прекрасно оформленная полиграфически, она издана в рамках «Федеральной программы книгоиздания России». Основная тематика этой книге, как пишет сам автор, это «новейшая история, культура и семейно-родственные отношения чеченцев, формирование идеологии национализма и сепаратизма, анатомия заложничества и торговли с людьми, эскалация насилия, характер политического режима».

Написанной на основе более 100 интервью участников событий, в числе которых - бывшие партийные и советские работники, представители интеллигенции, боевики, принимавшие участие в первой войне в Чечне имеет бесспорно научную, идеологическую и практическую ценность. Не может не импонировать читателя авторское мнение, когда он заявляет, что ему в равной мере стали сопереживаемыми гибель и страдания его «граждан независимо от их этнической принадлежности. Будь это федеральные военнослужащие и их близкие, мирные жители Чечни и даже воюющие чеченцы, многие из которых стали жертвами идеологических и политических манипуляторов и заложниками кровавой спирали» (с. 12). Эта нравственно-психологическая позиция автора, посредством которой он смотрит на «этнографию чеченской войны» достойна уважения. Зная автора и его добрые человеческие качества, мне понятны моральные императивы, на основе которых он строит свою личную позицию к трагическим событиям, подвергшим к жестокому населению целый народ, и развернувшимися в одном из субъектов Российского государства.

Свое отношение к этим событиям выражает не только автор книги, но он дает высказываться каждому, кто попадал в поле его зрения в период написания своей книги, финансово поддержанной американскими фондами. Это - фонды Гарри Фрэнка Гуггенхайма, Рокфеллера.

В книге звучат живые голоса, объективные и субъективные мнения. Эти высказывания очень часто настолько амбивалентные и несовместимы, как сама наша жизнь. В этой какофонии голосов специфичен голос Кисриева, придавшей ей, особый колорит. Как-то профессор В.А. Тишков, изучающий характер, ментальность, этнографию чеченцев, вместе с дагестанским социологом Энвером Кисриевым, лезгинком по национальности оказался в Швецарии. В одной из гостиниц Женевы, столицы этого государства, этнограф Тишков, задумавший написать книгу об «этнографии чеченской войны» (чисто тишковская терминология), поинтересовался у своего друга его персональное мнение о чеченцах. С анализа этой новой этнографической находки Тишкова хочу высказать мнение о его солидной книге, изданной на высокой полиграфической базе.

Мнение Кисриева о чеченцах в редакторской обработке Тишкова выглядит так: «Мне было лет десять, когда я впервые услышал разговоры «чеченцы возвращаются», но что это значило и кто такие чеченцы, я себе долго не представлял. В Махачкале их не было. Их не было в нашей школе и не было среди всех моих знакомых и друзей. Первый раз в жизни я увидел чеченцев, когда в 1962 г. поехал на соревнования по легкой атлетике в Грозный (я тогда выиграл первое место по прыжкам в высоту среди юношей в Дагестане). Вот там на стадионе увидел чеченцев. Они болели за своих. Выглядели такими энергичными и красивыми ребятами. Но это был взгляд издалека.

Первый личный контакт получился только в 1986 г., когда я поехал в турпоездку в Болгарию и у нас в группе был чеченец Сурупаша. Он ко мне как-то прилепился, вел себя очень почтительно и даже, можно сказать, показывал мне свое подчинение, как к старшему, хотя он всего был на четыре года моложе. Вот эта навязчивая почтительность-одна из характерных черт чеченцев. Но это еще ничего не значит.

У нас в институте (имеется Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН – В.А.) был аспирант-чеченец, очень старательный и скромный. Ему, говорят, родственники сказали: ты у нас самый умный, и мы посылаем тебя учиться. Он потом уехал назад в Чечню и всю историю переписал на свой лад, доказывая, что чеченцы с исторических времен жили по всему Северному Кавказу и их территория выходила к Черному морю там, где остров Чечен¹. У нас в институте смеялись и одновременно возмущались по этому поводу. Чечен-остров был назван так потому, что

¹ Здесь Кисриев и Тишковым ошибаются, утверждая, что остров Чечен, находится в Черном море. На самом деле этот остров находится в Каспийском море.

там жили в прошлом веке русские рыбаки-браконьеры, которых дагестанцев прозвали «чеченцами». Эта история прекрасно известна».

Изложенное, следует отнести к историческому юмору. Ибо остров Чечен никогда не находился в Черном море. Поэтому не совсем ясно, отчего смеялись кисриевские дагестанцы.

В своих рассуждениях Кисриев пишет: «Но вот что интересно: никто из наших историков писать опровержение не хочет. Боятся за себя. Чеченцы могут угрожать. Один наш уважаемый дагестанский историк так и сказал: «У кого нет ума, тот пусть так и считает, а спорить с ними бесполезно». Вот сейчас написали наши хорошие ученые-даргинцы (им до этих земель дела нет) «Историческую географию Дагестана», но что-то осторожничают с ее публикацией. Мне же Умар Джавтаев заявил: «Мы этого историка, который написал, что чеченцы пришли на равнинные территории Ичкерии всего 150-200 лет тому назад и арендовали землю у кумыкских ханов, мы его всего равно отловим и убьем. У нас стрелки на него назначены»². По мнению Тишкова, речь идет о Тимуре Айтберове, об одном из ведущих кабардинских историков. Тишков опять попутал - Тимур Айтберов не кабардинский историк, а известный аварский историк-востоковед. В настоящее время он преподает в ДГУ на историческом факультете. Не знаю, откуда у Кисриева и Тишкова сведения, что на него назначены стрелки. Но знаю твердо, что он - уважаемый и пользующийся среди чеченских ученых авторитетом ученый, его научные труды мне лично хорошо известны. Ловить и убивать его чеченцы никак не собираются. Поэтому утверждение, что чеченцы отловят и убьют дагестанского историка бред больного воображения.

«Вот Умар – это второй чеченец, которого я знал лично. Он ко мне высказывает почтение и здесь за границей держится солидарно. На меня обиделся сегодня, что я его не поддержал во время дискуссии в рабочей группе по конфликтам. Он на меня обиделся, хотя потом извинялся. Он меня нашел в Москве и даже жил несколько дней до отъезда в Женеву. Я ему с женой хинкал ставил, коньяк пили. Он мне много чего рассказал о положении в Хасавюртовском районе, хотя, конечно, он знает больше», - продолжает свое повествование Э. Кисриев. Второй чеченец выглядит у него в качестве нахлебника, неискреннего и угрожающего человека.

Оказывается в Дагестане, по мнению Кисриева, отношение к чеченцам такое: «Если чеченцы в меньшинстве, то это самые хорошие ребята, если их большинство, тогда все: начнут принижать и давить. Это – политический народ. Он знает, что такое сила. Чеченец постоянно примеряется к обстановке и от этого может сильно менять свое поведение. Например, сидим компанией в ресторане за столом, чеченец говорит тосты за каждого, всем высказывает уважение. Но вот появилась компания чеченцев и села рядом за столик. Этот чеченец стал другим: надменным, стал дерзить и прочее». Чем – не пьяный разговор о пьяной компании.

Оказывается для дагестанца, по мнению Кисриева, чеченец – вор. Он приводит кумыкскую шутку о чеченцах (а кумыки ближе и дольше жили соседями с чеченцами): «Кумык приглашает в гости чеченца, хинкал ставит и другое угощение. Потом второй, третий раз. Чеченцу люди говорят, ты, почему к себе в гости его не позовешь. «А что я скажу, если он вдруг спросит, откуда у меня мясо?»

Кисриев продолжает свои скудные этнографические наблюдения о чеченцах: «У чеченцев очень отличается от дагестанцев мораль. У них может быть стыд, но нет совести. Если чеченец своровал и не попался, тогда он герой и ему никто ничего не скажет. Отец никогда не упрекнет сына за это. Ну, а если попался, тогда шутки издевательства, что такой неудачный»³. Я далек от занятий по сопоставительному анализу моральных установок чеченцев и дагестанцев. Но сам дагестанец Кисриев вместе со своим другом недагестанского происхождения явно демонстрирует образчик открытого бесстыдства.

Тишков пишет, что «высказывание Кисриева вызвало бурную реакцию со стороны моих чеченских кросс-рецензентов»⁴. Записав «кисриевский образ чеченцев», московский этнограф предлагает своим коллегам чеченцам дать ему комментарии по поводу чеченфобских высказываний Кисриева, зафиксированных им в своей «этнографии чеченской войны». Читателю судить, насколько правомерен этот «новый подход» к этнографии, «открытый» Тишковым.

² Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. - М., 2001. – С. 193.

³ Там же. – С. 192-193.

⁴ Там же. – С. 194.

В своей книге он пишет, что «Вахит Акаев настолько возмутился, что отказался дать комментарий»⁵. Это высказывание не соответствует действительности. Больше, чем В. Акаев комментарий по этому поводу никто не дал, но почему-то об этом он умалчивает, приписывая мне того, чего я не говорил.

Если быть объективным, то ситуация выглядела следующим образом. В мае 2000 года Тишков попросил меня, чтобы я прорецензировал часть рукописи книги, которую он писал о войне в Чечне. Считая, что Тишков мало знаком с историей и культурой народов Кавказа, тем более чеченцев, я согласился прочесть представленный мне текст. В ходе чтения на полях этого текста я делал свои замечания, уточнял некоторые факты, подсказывал как лучше подать тот или иной сюжет о чеченцах. Представленный текст был сырой, о чем признавался и сам Тишков. Я внимательно прочел все высказывания Кисриева и против отдельных его мыслей делал замечания и приводил доводы, опровергающие его утверждения.

Прекрасно понимая «запрограммированность» на чеченофобию как Кисриева, так и многих московских ученых, я посоветовал Тишкову убрать крайне субъективные, не отличающиеся толерантностью, оскорбительные для всего чеченского этноса высказывания. Эти соображения мною были изложены в письменной рецензии на текст Тишкова. Кроме того, я их высказал и в устной форме и при этом действительно возмущался галиматьей Кисриева, записанной Тишковым. Последний обещал не печатать высказывания Кисриева, а меня попросил, чтобы я не распространялся по поводу «чеченофобских высказываний Кисриева». Доверившись ему, я не стал делиться по этому вопросу даже со своими коллегами по науке.

Хочу также отметить, что московский этнолог, пытаясь разобраться в «чеченцах» посредством мнений их соседей, привел всего лишь единственный «голос» Кисриев. И у меня большое сомнение по поводу того, что таким методическим приемом можно добыть истину, но приобрести политические очки, наверняка, можно, что успешно сделал автор книги.

О чеченцах Кисриев стал публично высказываться в 1999 году. Как-то, в институте этнологии и антропологии РАН, высказываясь об общественном устройстве чеченцев, он заявлял, что «у чеченцев имеются тайпы, а у дагестанцев джамааты». У него получалось, что наличие тайпов это – социальная отсталость этноса, а наличие джамаатов – социальный прогресс. Реагируя на это некорректное в научном отношении тезис, я заметил, что между дагестанскими джамаатами и чеченскими тайпами не вижу особой разницы. У Кисриева не было аргумента против этого высказывания.

В 2002 году в кабинете директора одного из дагестанских академических институтов в Махачкале я встретился с Кисриевым и задал ему вопрос: неужели он в своей жизни не встретил чеченцев, кроме тех двоих, которых столь нетактично описал, пытаясь быть оригинальным, хотя этого у него на самом деле и не получилось?

Расстроенный тем, что встретил меня, донимающего своим вопросом, Кисриев ответил, что его подвел Тишков, бесчестно опубликовав то, что рассказывал ему во время зарубежной поездки. (Кажется, Кисриев рассказывал, а Тишков записывал на диктофон, сидя в гостинице, за рюмочкой водки. Видимо, для некоторых московских исследователей такой способ получения информации о чеченцах является новым научным достижением в области этнологии).

Мне Кисриев говорил, что он в мой адрес по электронной почте прислал письмо, в котором просил прощения, обвиняя Тишкова. Я же такого письма не получал. Далее Кисриев сообщил мне, что и Жабраил Гакаев также не доволен книгой Тишкова, где не этично описана трагедия, коснувшаяся его семьи. Со слов Кисриева, получалось, что Ж. Гакаев признался ему о том, что Тишков его также «подставил». Сюжет, касающийся Ж. Гакаева, примерно таков. Тишков, решив выразить соболезнование по поводу гибели в автомобильной катастрофе сына Гакаева, посещает его в его московской квартире. Он описывает, что у Гакаева за рюмкой водки они помянули, погибшего. Именно этот эпизод не соответствующий исламской традиции и вызвал негативную реакцию у Гакаева. Данный аспект – наглядный пример неприятия «новых методов», применяемых Тишковым, в этнографии «чеченской войны».

Далее Тишков пишет, что Институт этнологии и антропологии РАН летом 1992 году проводил в Грозном общероссийскую сессию этнографов и антропологов. Опять у Тишкова неточность – сессия проходила осенью, а не летом этого года. Проводили ее я, как директор НИИ Гуманитарных наук Чеченской Республики и член-корреспондент РАН С. Арутюнов, возглавлявший ассоциацию этнологов и антропологов страны. Тишков на эту сессию не приехал,

⁵ Там же.

поскольку Р. Хасбулатов, работавший Председателем Верховного Совета Росси, запретил ему ехать. Поскольку факт проведения этой сессии отразился и на моей научной карьере, то я также считаю необходимым несколько подробнее высказаться на эту тему.

Тишков забыл или не хочет вспомнить, что окружение Д. Дудаева категорически было против проведения этой сессии в Грозном. Дав добро на ее проведение, Дудаев под влиянием своих советников изменил позицию. Мне было сообщено, что он против ее проведения в Грозном, так как работники Института, возглавляемые Тишков, «отличаются ярко выраженным шовинизмом». Я приложил немало усилий, чтобы провести ее в Грозном, ибо она планировалась еще до событий 1991 года. На эту сессию прибыли более 30 российских ученых, среди них были известные этнографы из Армении и Азербайджана. В целом коллектив НИИ Гуманитарных наук, который практически не получал зарплату все сделал, чтобы эта сессия состоялась. Все гости были обеспечены жильем, накормлены, а после окончания сессии участники выехали на отдых в село Сержень-Юрт. Некоторые чеченские ученые приглашали к себе в гости московских коллег, оказывали возможное гостеприимство. Между тем Тишков пишет, что его коллега высказал следующее мнение о чеченцы: «Чеченцы в полном разгуле, русские сидят смиренно, споров никаких, паранойя с проверками, демонстрируют грубую силу, папахи стали больше носить, но в целом совки совками»⁶. Конечно же, чеченцы такие же совки, как в целом все народы единой страны. И ничего удивительного в этом нет.

В последующем, когда разгоняли НИИ Гуманитарных наук, одно из обвинений выдвинутых против меня – то, что я провел эту сессию. Кстати, за это я был обвинен в пророссийской ориентации, а в последующем и уволен с занимаемой должности директора НИИ, а само это учреждение расформировано. Об этом хорошо знал Тишков, но он не посчитал нужным в своей книге обратить на это внимание. Но зато он вспомнил, как ему пригрозил Р. Хасбулатов, запрещая ехать в Чечню на конференцию.

На странице 25 своей книги Тишков пишет, что я передал ему исследовательский проект «Национально-освободительные движения в Чечне в XIX» с целью принять участие в грантовом конкурсе, объявленном Российским гуманитарным научным фондом. Этот факт действительно имел место. Надеясь на неудачную, с его точки зрения, тематику исследования, представленной мною, он пишет: «Что-то происходит явно не то с политикой и с наукой в обществах, ввергнутых в конфликт. Та и другая начинают выглядеть глупыми и аморальными в ряде аспектов»⁷. Что-то подобное он высказывал и в одном из своих научных трудов по антропологии, вышедших за рубежом, на английском языке. Представленный мною проект не был поддержан российским фондом в 1995 году, не был поддержан и другой проект, составленный в 1999 году группой известных чеченских ученых и затрагивающий современные экономические и социально-политические процессы, протекающие в Чечне.

Через пять лет после первого нашего проекта, представленного в российский фонд, группа дагестанских ученых из Института истории, археологии и этнографии ДНЦ выигрывает грант. Когда я увидел тему проекта, представленного на грант, то удивился. Ведь именно на такую тему группа чеченских ученых подавала на грант. Да, что-то странное и аморальное происходит в российской исторической науке. Не может наука сама по себе быть аморальной, эта этическая характеристика подходит к людям, которые ее «делают» и спекулируют на ней. Часто в положении глупцов оказываются ученые, для которых истина превыше всего, поскольку далеки от политического угодничества.

Тишков в своей книге упоминает и о творческом коллективе НИИ Гуманитарных наук. Пишет, что обратился в Президиум РАН с просьбой оказать содействие ученым, оказавшимся в силу разных обстоятельств в Москве. Да это имело место, но нужно уточнить, что в 1999-2000 годах я неоднократно в своих выступлениях обращал внимание на то, что чеченские ученые, оказавшиеся в Москве, совершенно не востребованы. О сложившейся ситуации с учеными я, как директор НИИ Гуманитарных наук, и Ж. Гакаев, как академик АН ЧР, вместе с Тишковым обращались в Президиум РАН.

Один из пунктов главы ХУ книги Тишкова называется «Чеченский антисемитизм и теории заговора»⁸. Поразительно. Тишков приписывает целому народу антисемитизм. Хорошо известно, что явление антисемитизма чеченцам не было известно даже тогда, когда в царское время были распространены черносотенные погромы. На бытовом уровне в советский и постсоветский

⁶ Там же. – С. 201.

⁷ Там же. – С. 25.

⁸ Там же. – С. 476.

периоды в Москве антисемитизм был достаточно распространен. Но можно ли на этом основании приписывать антисемитизм целому народу, в том числе Тишкову, как его представителю?

В книге Тишкова проблем поставлено больше, чем даны ответы. Науки в ней мало, зато много политики и сомнительных фактов. И Бог с ними! Ведь всякий плодотворный ученый, к таким я отношу и Тишкова, не лишен этого греха. Для меня не это – главное. Меня беспокоит вопрос, что произойдет с этнологией, если за рюмкой водки, находясь в зарубежной гостинице, ученый с пьяного разговора будет писать этнографию лезгин или русских? Ответ конечно прост. Ничего путного из этого не выйдет. И этот метод не приведет к истине, но к вражде – непременно.

Книга, поддержанная иностранными фондами, получившая премию Правительства России, опубликованная в рамках «Федеральной программы книгоиздания России», несмотря на ее многие достоинства, не лишена серьезных недостатков, на которые автор рецензии обратил внимание. Для нас политическая ангажированность, что в полной мере присутствует в книге Тишкова, не способствует достижению научной истины, тем более истины в такой тонкой материи, каким является этнология. Изучая этнос, его историю, экономику, культуру, в том числе обычаи, традиции и религиозные верования принципиально важно, придерживаться принципов объективности, беспристрастности, толерантности. Только в этом случае можно иметь больше шансов достигнуть истину.

Заведующий кафедрой теории и практики
социальной работы ЧГУ, доктор философских наук,
член-корр АН ЧР

В.Х. Акаев